

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

ВАЛЬКИРИЯ
В ЧЕРНОМ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

В оформлении обложки использована фотография:

© MarinaD_37 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Валькирия в черном : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-101928-0

В небольшом подмосковном городке кипят поистине шекспировские страсти: с интервалом более полувека здесь происходят жуткие события. Еще свежа память о Любове Зыковой, которая в пятидесятых годах явилась виновницей массового отравления детей в пионерском лагере. Теперь здесь же произошло еще одно отравление трех наследниц огромного состояния. Старшая, красавица Гертруда, умерла на банкете, устроенном в честь юбилея своей бабушки. Офелия и Виола, а также сама виновница торжества Адель Архипова оказались в больнице. Катя Петровская, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, пытается найти незримую связь между преступлениями прошлого и настоящего и разобраться, кто же решил продолжить дело «отравительницы детей», если саму «Любку-ведьму» еще тогда, в далекие пятидесятые, толпа буквально разорвала на части, а тело ее сожгли в заброшенном цехе старого завода?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2019
ISBN 978-5-04-101928-0 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

НАЛОЖЕНИЕ КАДРОВ. ВАЛЬКИРИЯ

Много лет назад

Скрипучая пластинка на патефоне. Музыка Вагнера — увертюра к «Тангейзеру». То место, где тромбоны и потом широко вступают струнные — скрипки и виолончели.

Кто-то поставил эту пластинку на патефон только что, ведь до этого слушали лишь всякую эстрадную дребедень, танцевали танго. Возможно, пластинку поставила она, прервав на середине песенку из довоенного фильма «Привет, Жанин!». Она любила ее исполнять, акцент почти не был замечен, она пела лукаво, с хрипотцой, когда выходила на сцену — обольстительная, длинноногая в блестящем боди и страусовых перьях — и начинала отбивать чечетку.

«Тангейзер»... то место, где тромбоны ликуют, зовут за собой вперед и вперед. Туда...

Гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер снова попытался крикнуть, позвать на помощь. Но не смог издать ни звука. Губы онемели, он уже не чувствовал их. Не чувствовал ни ног, ни рук, дыхание со свистом вырывалось из его груди — еще немного, и полный паралич.

А в спальне, откуда она только что вышла, корчился на полу в смертельной агонии его брат Вилли.

Как-то до войны во время отпуска в Альпах они сидели у костра, и Вилли был так хорош — светловолосый, решительный, сильный. Его обожали женщины. Они чувствуют, ценят силу инстинктивно, как животные. Он, не задумываясь ни на секунду, доставал из кобуры пистолет и стрелял, не целясь. Оберштурмбаннфюрер СС Кляйхе так хвалил его за столом. Всего час назад, когда все они сидели в комнате за накрытым столом.

А сейчас брат Вилли бился в судорогах, царапая ногтями дощатый пол. Занозы под ногтями... Его губы, закушенные от боли. А ведь только что там, в спальне, он губами, зубами стаскивал шелковые чулки с ее стройных длинных ног. Вон и его китель — на спинке стула. Он раздевался в спешке, забыв от возбуждения об аккуратности и приличии — отстегнул, швырнул свои офицерские подтяжки.

Тогда давно в Альпах у костра они говорили о войне. И гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер все пытался объяснить своему младшему брату Вилли, что война — она не то, чем кажется. Не то, что видишь, когда смотришь кино.

Вилли лишь улыбался и отвечал, что на войне как на войне. И война вообще ему нравится. И вот там, в спальне, вспомнил ли он об этом в свой смертный час?

А в соседней комнате вокруг разоренного праздничного стола — на полу, на стульях, на кресле — как сбитые кегли, валялись, издыхали гости оберштурмбаннфюрера Кляйхе. Сам он уже умер, рухнув на подоконник зарешеченного окна, когда хотел выбить стекло и позвать на помощь.

Все окна тут и правда зарешечены, нет, не как в тюрьме, просто в целях тотальной безопасности. Охрана по периметру территории, во дворе и в самом здании, стена, колючая проволока, ток, немецкие овчарки, вышка с автоматчиками. Не тюрьма и не концлагерь, даже не разведшкола в лесу. А нечто среднее между офицерским общением, клубом, санаторием и казино, куда они приезжали отдыхать по вечерам — нечасто, когда на войне (пусть они и ошивались в тылу вдали от передовой) выпадал свободный вечерок от облав, зачисток, расстрелов и публичных казней через повешение на главной площади города.

Они приезжали сюда вместе с оберштурмбаннфюрером Кляйхе встряхнуться, выпить, поиграть в карты, привозили женщин. Тут все под охраной, тут можно отдохнуть от гари пожарищ, рева танков, налетов, мин, заложенных на дорогах, от пуль и от партизан, автоматных очередей, допросов, от всей этой бумажной волокиты, которой на войне, как ни странно, — много, от крови, от криков тех, кого там, в тюремных карцерах, следователи допрашивают и пытается палач. Вилли никогда не брезговал этой работой. Он говорил, что всякая работа ради Рейха почетна.

Увертюра к «Тангейзеру», то место, где тромбоны...

Сколько еще будет длиться эта музыка...

Ровно столько, чтобы понять, осознать, догадаться, что они сами привезли свою смерть с собой.

Они привезли ее сюда.

Куда был добавлен яд? В шнапс? В бокалы с шампанским? В тирольский пирог, что так любил братец Вилли?

Во всё. Когда они садились за стол, перебрасываясь шутками, когда поднимали свой первый тост, они все уже были мертвы. Пир мертвецов.

Гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер более не чувствовал свое парализованное тело, но еще жил, еще видел.

Как там показывают в кино — заснеженное поле и среди снега и льда мертвые солдаты. И валькирия кружит над полем.

Ее крылья...

Нет, теперь умирая, он знал наверняка — ее крылья не похожи на крылья стальных имперских орлов, они огромны и черны — кожистые, как у летучей мыши, все в струпьях и язвах.

И вот она опустилась и приблизила лицо свое к его лицу. Узкое, прекрасное девичье лицо с высокими скулами, что и есть красота, с льяными кудрями, упавшими на лоб.

Такое жадное любопытство в глазах ее. Она смотрит, как он умирает. Как издыхают они все — братец Вилли, что с ума сходил по ее телу, ее ногам, в шелковых чулках, в черных туфельках, отбивавшим чечетку, оберштурмбаннфюрер СС Кляйхе, расстрелявший подполье в Кракове и в Праге, но не сумевший понять, разгадать...

Они все... И даже Тангейзер. Пластинка на патефоне все еще играет, но музыка глохнет. И все меркнет, покрывается трещинами и паутиной, распадается, отступая во тьму.словно кадры старой кинохроники на бледном экране. А потом на старую пленку накладывается новый кадр. Что там в этом новом кино и каковы главные герои, гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер не видит. Он давно уже мертв.

Но музыка жива, пробиваясь сквозь новый кадр, новую реальность, новые громкие звуки — рокот вертолета над крышами, полицейские сирены, сирены «Скорой», оглушительный «Рамштайн», рвущийся наружу через открытое окно чьей-то машины, вставшей на светофоре.

Глава 2

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ У СВЕТОФОРА

Наши дни

В 7.30 выезд с шоссе от Баковки на федеральную трассу в сторону Москвы еще свободен. В 7.40 тут у светофора уже собирается пробка. Это знают все водители Электрогорска и все окрестные дачники, которые летом выезжают спозаранку со своих «фазенд», торопясь в Москву на работу.

Разница всего в десять минут, но какие это минуты... Потом, когда начали разбираться и искать очевидцев, выяснилось, что тот внедорожник «Шевроле» — не новый, серебристого цвета с тонированными стеклами — подкатил на перекресток к светофору около 7.30 со стороны Баковки. В этот момент как раз на светофоре зажегся красный свет и внедорожник остановился.

Тонированные стекла были подняты, но водитель фуры, вставшей рядом с ним, слышал музыку, доносившуюся из салона. Допрошенный впоследствии сотрудниками ДПС, он описал ее как «громкую, будоражащую» — «типа хеви-метал — бах-бах, лязгает, грохочет».

Знаток музыкальным водителем фуры оказался плохим, «в группах и стилях не разбирался», как метко подметили в рапорте сотрудники ДПС, и «убыл» с перекрестка, свернув на федеральную трассу, как только зажегся зеленый свет.

Внедорожник «Шевроле» не тронулся с места.

Снова зажегся красный свет, и в хвост внедорожника пристроилась пара машин. Водителя одной из них — «Тойоты» — впоследствии тоже допросили сотрудники ДПС. И он показал, что видел джип на светофоре (он все внедорожники именовал джипами) и слышал музыку, грохотавшую в салоне.

— «Рамштайн». Я сам их люблю, зажигают круто парни. Как раз чтоб проснуться.

Светофор дал зеленый свет. Машины тронулись, «Шевроле» остался на месте. Громоздкий бензовоз, подъехавший сзади, посигналил нетерпеливо. Но внедорожник не двинулся. И бензовоз начал неуклюже объезжать его. Шофер негодовал, он, прошедший четверть века за баранкой, ненавидел всех без исключения «богатых ублюдков», разъезжающих на иномарках и «заполонивших дороги».

Зеленый свет...

Красный...

Снова зеленый...

За «Шевроле» выстроился уже целый хвост машин. Все ожесточенно гудели. Потом начинали объезжать.

— Заснул, что ли, на фиг?

— Эй, хоть бы аварийку включил!

— Это что тебе тут, бесплатная парковка, блин?!

Зеленый свет...

Красный...

Зеленый...

Красный...

Время близилось к восьми часам утра. Пробка на выезде на федеральную трассу в сторону Москвы росла как на дрожжах.

— Да постучите вы ему в стекло!

— Уже стучали сто раз, без толку.

— А где гаишники? Когда надо, их нет никогда.

— Вон зеленый зажегся, поехали.

Гигантская пробка, растянувшаяся уже до Баковки, медленно обтекая застывший в ступоре «Шевроле», заполонила уже и встречную полосу. Машины, поворачивавшие с федеральной трассы в сторону Электрогорска, возмущенно гудели.

Зеленый...

Красный...

Серебристый внедорожник...

В какой-то момент музыка, доносившаяся из салона, смолкла. Как потом показывали опрошенные очевидцы-водители, из машины никто не выходил, никто и не садился во внедорожник. В салоне в магнитоле во время обыска впоследствии обнаружили диск группы «Рамштайн». Видимо, музыка умолкла, когда диск закончился.

— Там вообще кто-нибудь есть за рулем? Может, оставил машину и смылся?

— Как это смылся?

— Ушел. Или сбежал. Угнал тачку и бросил на светофоре.

— Нет, там кто-то сидит за рулем. Плохо видно, окна темные.

— Так постучите ему, разбудите! Пьянчуга проклятый!

— Уже сто раз стучали, кричали.

Машины, пробираясь, как в тесном ущелье, проезжали мимо. Все торопились по делам в Москву.

Лопнуло терпение у женщины за рулем старенькой «Хонды». Она лишь недавно научилась водить, ездила на дачу, трясясь как осиновый лист от страха на дороге, не умела парковаться и совершать объездной маневр. Она попыталась объехать внедорожник справа, но испугалась, что ей не хватит места и она завалится в кювет. И вот она сама встала намертво за багажником проклятого «Шевроле», понимая, что угодила в дьявольскую ловушку на светофоре.

Она выхватила мобильник из сумочки и набрала сначала 112 — гудки, потом привычное 02.

— Алло! Алло! Полиция? Это, конечно, не мое дело, но тут машина на перекрестке стоит уже, как говорят, больше часа и ни с места. Всю дорогу загородил придурок! Где? На светофоре, как на главную выезжать. Что? Ах вам уже звонили... А когда подъедет инспектор?

Машина ДПС, еле пробившись сквозь пробку, прибыла к светофору в 9.15. Два инспектора подошли к внедорожнику. Им оглушительно гудели водители со всех сторон.

— Уберите его отсюда!

— Алкаш!

— Да небось обколотый весь под кайфом!

Инспектор ДПС наклонился к тонированному стеклу. Постучал властно.

— Эй!

Нет ответа.

— Эй, откройте, ваши документы!

— А может, нет там никого?

— Как нет, вижу, сидит за рулем, силуэт вижу.

— Может, плохо человеку стало? — забеспокоился второй. — Эй, гражданин, откройте дверь!

Глухо.

— И что делать будем?

— А если у него с сердцем плохо? Неси гаечный ключ или домкрат.

Под одобрительный свист и гудки инспектор ДПС, вооружившись домкратом, осторожно тюкнул в стекло со стороны пассажирского сиденья — чтобы не поранить осколками того, кто не отвечал и не трогал машину с места. Стекло не поддалось, и тогда он ударил изо всех сил.

Грохот, звон, стекло обрушилось на сиденье.

Сотрудники ДПС увидели мужчину, уткнувшегося в руль.

— Что с вами? Очнитесь! Вам плохо?

Инспектор ДПС нащупал кнопку на приборной доске и открыл двери внедорожника. Его напарник тут же сунулся в салон, он попытался усадить водителя, приподнял его, но руки... руки того намертво вцепились в руль.

— Он мертв!

— Ты посмотри на его лицо.

— Что? Я говорю — он умер, наверное, инфаркт.

— Может, и сердце, но... нет, ты глянь на его лицо.

Инспектор ДПС медленно повернул к напарнику голову водителя внедорожника. И напарник,

видавший за десять лет службы в ГИБДД столько аварий, столько мертвецов, столько всего, что хватило бы на целый полк ДПС, испуганно отшатнулся.

Глава 3

БЛАГОВОНΙΑ

Большая комната на втором этаже дома, превращенная Натальей Пархоменко из супружеской спальни в домашний храм, всегда хранила полутьму и терпкий сладкий аромат благовоний.

Окно всегда в любое время суток защищают от любопытных взоров жалюзи, плотные шторы струятся от высокого потолка вниз — синие, как горный водопад в Гималаях. На полу — толстый турецкий ковер, супружеская кровать убрана, вместо нее — узкая кушетка с подушками и валиками и москитная сетка над ней — как розовая дымка. От подмосковных комаров. Но они никогда не залетают сюда из сада — ни ночами, ни по утрам. Их губит, душит угар благовоний, что исходит от бронзовых индийских курильниц, где всегда тлеет благовонная смесь.

Ладан и мирра...

Сандал...

Жасмин...

Лотос...

Мускус...

Пачули...

Из музыкальной системы, встроенной в стену, льется музыка Кришны Даса.

ОМ НАМАН ШИВАЙЯ...

ОМ ШИВАЙЯ...

Ударные мерно отбивают ритм, глухо рокочут барабаны. Там, в долинах Гималайских гор.

В новомодной электронной фоторамке на стене — изображение бога Кришны. Прекрасноликий пастух, кожа неземного синего цвета. Это цвет страсти, цвет любви, цвет ночи.

Наталья Пархоменко — в прошлом энергичная, успешная замужняя сорокалетняя дама, а ныне (вот уже полтора года) вдова... бездетная, одинокая, живущая в этом богатом особняке на хлебах свекрови и младшего брата мужа, — сидит на полу, поджав стройные ноги, босые и курит папиросу-самокрутку, с наслаждением вдыхая терпкий дым.

Не табак. Курительная смесь.

Не та, что продается в вонючих ларьках у метро. А настоящая, подлинная, из Индии.

Капелька гашиша не повредит.

Синеликий Кришна взирает на нее из меняющей цвет, как хамелеон, электронной фоторамки с великим терпением. Он понимает и прощает ее слабость.

Полтора года, как вдова. Потеряла мужа, которого очень любила. Да, он был успешен и богат. Да, владел здесь, в подмосковном Электрогорске, акциями завода, фармацевтической фабрики и банком. Но она любила его не за это. Как объяснить — за что, если не за деньги и собственность? Вон и свекровь, Роза Петровна Пархоменко, тоже, наверное, любившая его, как мать сына, не понимает. Считает — лжет Наташка, все лжет, прикидывается. Овдовела, а теперь только и ждет, как получить свою долю собственности из наследства и капитала и смыться из этого дома за границу.